

RU

Повесть «Гробовщик» А. С. Пушкина
в творческом восприятии Олимпа Бхели-Куэнума

Ибрахима Гай

Аннотация. Статья посвящена исследованию рецепции произведений А. С. Пушкина бенинским писателем О. Бхели-Куэнумом, а также анализу влияния творчества русского классика на литературное наследие африканского автора. Особое внимание уделяется повести «Гробовщик», которая рассматривается как отправная точка восприятия Пушкина О. Бхели-Куэнумом. Цель исследования заключается в выявлении специфики рецепции произведений Пушкина бенинским писателем. В качестве материала привлечены автобиографические свидетельства самого О. Бхели-Куэнума. Научная новизна работы состоит в том, что впервые системно исследуются особенности восприятия творчества А. С. Пушкина О. Бхели-Куэнумом. В результате исследования выявлено, что, во-первых, знакомство О. Бхели-Куэнума с творчеством Пушкина начинается с чтения повести «Гробовщик» в журнале «Lectures européennes» («Европейские чтения»), инициированного его отцом, который и оказал существенное влияние на формирование мировоззрения и художественного метода бенинского писателя. Во-вторых, показаны тематические и стилистические параллели между произведениями Пушкина и творчеством О. Бхели-Куэнума, созданным в русле сюрреализма.

EN

A. S. Pushkin's "The Undertaker"
in the creative reception of Olympe Bhêly-Quénium

Gaye Ibrahima

Abstract. This article investigates the reception of Alexander Pushkin's works by the Beninese writer Olympe Bhêly-Quénium and analyzes the influence of the Russian classic's oeuvre on the African author's literary heritage. Particular emphasis is placed on the novella "The Undertaker", which is considered a point of origin for Bhêly-Quénium's engagement with Pushkin. The aim of this study is to determine the specific characteristics of Pushkin's reception by the Beninese writer. Autobiographical accounts by Bhêly-Quénium himself are used as source material. The scholarly novelty of this work lies in its systematic examination, for the first time, of the particularities of Olympe Bhêly-Quénium's perception of A. S. Pushkin's creative output. The research reveals, firstly, that Bhêly-Quénium's acquaintance with Pushkin began with reading "The Undertaker" in the journal "Lectures européennes" ("European Readings"), an introduction initiated by his father, who exerted a significant influence on the formation of his worldview and artistic method. Secondly, the study demonstrates thematic and stylistic parallels between Pushkin's works and Bhêly-Quénium's oeuvre, which is rooted in the tradition of Surrealism.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современного литературоведения к вопросам рецептивной поэтики и эстетики творчества А. С. Пушкина, а также необходимостью изучения влияния его произведений на африканское культурное пространство. В последние годы наблюдается значительный рост внимания к взаимосвязям между русской и африканской литературными традициями, что подчеркивает важность анализа произведений А. С. Пушкина в контексте их восприятия за пределами европейской культуры, в частности его влияние на личность и творчество О. Бхели-Куэнума. Особую актуальность приобретает исследование рецепции произведений А. С. Пушкина бенинским писателем О. Бхели-Куэнумом. Изучение этой темы не только углубляет понимание роли А. С. Пушкина в мировой литературной традиции, но и вносит значительный вклад в развитие африканистики и сравнительного литературоведения, расширяя горизонты межкультурного диалога.

Для достижения поставленной цели мы ставим следующие задачи:

- проследить рецепцию творчества Пушкина О. Бхели-Куэнумом;
- описать, проанализировать и сравнить тематические параллели между повестями А. С. Пушкина и О. Бхели-Куэнума.

Для решения поставленных задач мы использовали следующие методы: биографический метод – применялся для изучения жизненного пути А. С. Пушкина и О. Бхели-Куэнума, что позволило выявить влияние их биографий на творчество; сравнительно-сопоставительный метод – использовался для выявления сходств и различий в интерпретации художественных образов у Пушкина и бенинского писателя; метод целостного анализа литературного произведения – позволил исследовать особенности построения текстов, стилистические приемы и тематические аспекты произведений.

Комплекс задействованных подходов дал возможность рассмотреть главные направления рецепции произведений А. С. Пушкина бенинским писателем.

Материалом исследования послужили сочинения писателей:

- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М. – Л.: Академия наук СССР, 1950. Т. 6. Художественная проза;

- Bhèly-Quenum O. Promenade dans la forêt. Liaison d'été. P.: Edition Sagerep, 1968.

Теоретическую основу исследования составляют труды по теории эстетической рецепции, созданные Констанцской школой и посвященные разным аспектам рецепции литературного произведения на немецком языке (Jauss, 1978; Iser, 1976); статьи, в которых анализируются жанр повести и его особенности в африканском культурном пространстве, написанные на французском языке (Sawadogo, 2023; Go, 2014); труды о творчестве А. С. Пушкина, представленные на русском языке (Лотман, 1983), а также исследования, посвященные произведениям О. Бхели-Куэнума, выполненные на французском языке (Gnamankou, 1999).

Практическая значимость работы состоит в том, что предложенные в ней наблюдения, параллели, а также задействованные источники могут быть использованы в ходе дальнейшей разработки фундаментальной темы русско-африканских литературных связей, а также в рамках таких дисциплин, как «Сравнительное литературоведение», «История русской литературы XIX века».

Обсуждение и результаты

История литературы, как отмечает Х.-Р. Яусс, «является процессом исторической рецепции и производства литературы, который осуществляется в актуализации литературных текстов» (Jauss, 1978, p. 24). Данный подход позволяет рассматривать литературное наследие как динамичное явление, переосмысливаемое различными поколениями читателей и авторов.

В африканской культурной среде личность А. С. Пушкина и его художественное творчество приобрели известность преимущественно среди франкоязычных писателей как первого, так и нового поколений. Об этом свидетельствуют рассуждения О. Бхели-Куэнума, одного из первых франкоязычных писателей 1960-х годов, который познакомился с творчеством Пушкина ещё в подростковом возрасте. Он отмечает: «On a écrit, on écrit et on écrira sur Alexandre Sergueïevitch... Que ce poète hors pair fut un sang-mêlé puisque son ancêtre était Abraham Hanibal, un esclave de Pierre le Grand, est assez significatif à l'aube de l'an 2000» (Bhèly-Quenum, 1999, p. 179). / «Об Александре Сергеевиче Пушкине, родившемся двести лет назад, много писали, пишут и будут писать... Тот факт, что этот выдающийся поэт был полукровкой, поскольку его предком был Абрам Ганнибал, раб Петра Великого, весьма значителен на заре 2000 года...» (здесь и далее перевод автора статьи. – *Ибрахима Гай*). Кроме того, автор признает, что долгое время работы африканских исследователей, посвященные Пушкину, оставались ему неизвестны: «J'avoue mon ignorance d'éventuels travaux d'universitaire africains sur Alexandre Pouchkine, découvert quand j'avais onze ou douze ans» (Bhèly-Quenum, 1999, p. 180). / «Я признаюсь, что не знаю ни одной работы африканских ученых об Александре Пушкине, которого я открыл для себя, когда мне было одиннадцать или двенадцать лет».

Таким образом, интерпретация образа Пушкина в африканской литературе отражает не только особенности культурной рецепции, но и значение его наследия в контексте постколониального осмысления литературного канона.

Олимп Бхели-Куэну, настоящее имя которого Чикото Олимпио Куэну, родился 20 сентября 1928 года в Квидахе в колонии Дагомея, ныне Бенин, и является известным в Африке и Европе писателем. «O. Bhèly-Quenum est le seul écrivain ayant traversé six décennies de l'histoire littéraire de l'Afrique de l'Ouest depuis la glorieuse époque de la négritude jusqu'à celle où émergent la nouvelle génération d'écrivains» (Irène, Raymond, 2014, p. 16). / «О. Бхели-Куэну – уникальный писатель, охвативший шесть десятилетий литературной истории Западной Африки, от славной эпохи негритюда до появления нового поколения африканских писателей». В настоящее время Бхели-Куэну остаётся в коллективной памяти как журналист, литературный критик, социолог и, прежде всего, как плодовитый писатель, создавший множество литературных произведений: десять романов, несколько сборников повестей, а также бесчисленные эссе и статьи на самые разные темы (Irène, Raymond, 2014, p. 24).

Нестареющий патриарх, он является одним из африканских писателей, восхищавшихся творчеством А. С. Пушкина. В год празднования двухсотлетия со дня рождения А. С. Пушкина он провел сравнительное

исследование, в котором сопоставил произведения А. С. Пушкина с традиционными африканскими сказками, выявив точки пересечения и общие мотивы в их художественных мирах (Bhêly-Quenum, 1999).

Данное исследование свидетельствует о глубоком понимании творчества А. С. Пушкина О. Бхели-Куэнумом и особенностях восприятия наследия русского поэта в контексте франкоязычной африканской литературы. В процессе рецепции творчества Пушкина сам О. Бхели-Куэнум отмечает: «Un jour, mon père tors nu allongé dans un fauteuil dans la grande salle d'Aziouto, était plongé dans la lecture de l'une des revues qu'il recevait régulièrement... le lecteur le referma et s'en servit comme d'un chasse-mouches pour m'éventer le visage. Il partit pour Ouidah deux jours plus tard et je fis une incursion discrète dans sa chambre. Lectures européennes était au chevet du lit; je le pris, sortis de l'agglomération, montai sur un manguier encore présent au carrefour des sentiers d'Aziouto au lac Ahémé et de Kpétou à Akodéxa, m'installai confortablement sur une grosse branche de l'arbre et ouvris la revue. Je remarquai que mon père avait marqué des pages avec des brins de paille de maïs, l'une d'elles avait pour titre *Le Fabricant de cercueils*... Me sentant à mon aise et amusé, je regardai le nom de l'auteur et vis: Alexandre S. Pouchkine que j'eus du mal à mal à prononcer; mais la peur revint à certains endroits du récit, n'empêche, j'éclatai de rire et tombai» (Bhêly-Quenum, 1999, p. 180-189). / «Однажды мой отец, раздетый до пояса, лежал в кресле в большой зале Азиуто, погружённый в чтение одного из журналов, которые он регулярно получал... Читатель закрыл его и использовал как веер, чтобы обмахивать моё лицо. Через два дня он уехал в Уиду, и я тайком пробрался в его комнату. Lectures européennes лежал у изголовья кровати; я взял его, вышел из дома, забрался на манговое дерево, которое всё ещё стояло на перекрёстке тропинок, ведущих от Азиуто к озеру Ахеме и от Кпету к Акодексе, удобно устроился на толстой ветке и открыл журнал. Я заметил, что отец отметил несколько страниц соломинками от кукурузы, и одна из них имела заголовок «Гробовщик»... Чувствуя себя комфортно и заинтересованно, я взглянул на имя автора и увидел: Александр С. Пушкин, имя которого мне было трудно выговорить; но страх возвращался в некоторых местах рассказа, тем не менее я расхохотался и упал».

Бенинский писатель О. Бхели-Куэнум впервые познакомился с творчеством А. С. Пушкина в подростковом возрасте, когда обнаружил в библиотеке своего отца журнал, содержащий рассказ «Гробовщик». Это произведение оставило в его памяти глубокий след, пробудив интерес к русской литературе и истории. В своих воспоминаниях он отмечает, что впервые увидел имя автора – «Александр С. Пушкин» – с трудом его произнес, но чтение повести вызвало у него широкий спектр эмоций (Bhêly-Quenum, 1999, p. 24).

Интересно, что знакомство Бхели-Куэнума с Пушкиным произошло задолго до того, как он узнал о работах африканского исследователя-слависта Д. Гнамманку, что свидетельствует о его самостоятельном интересе к русской литературе и независимости в процессе восприятия пушкинского наследия. Влияние Пушкина на африканского писателя выходит за рамки простого знакомства с текстами – русский гений сыграл ключевую роль в формировании литературного вкуса и пробудил стремление к историческому познанию.

При этом важно учитывать, что «Гробовщик» является частью цикла «Повести Белкина», состоящего из пяти новелл, написанных в следующем порядке: «Гробовщик» (9 сентября), «Станционный смотритель» (14 сентября), «Барышня-крестьянка» (20 сентября), «Выстрел» (14 октября), «Метель» (20 октября) (Квантре, Зумбулидзе, 2015). Исследователи М. Н. Дарвин и В. И. Тюпа (2001, с. 153) отмечают, что «Повести Белкина» представляют собой один из наиболее дискуссионных феноменов русской классической литературы, поскольку в этом произведении сочетаются элементы пародии, реализма и жанровой игры, что делает его объектом многослойного литературоведческого анализа.

Рецепция «Повестей Белкина» А. С. Пушкина в русской и мировой литературе представляет собой значительный интерес для научного сообщества и является предметом активного изучения. Исследователи сосредотачивают свое внимание на различных аспектах произведения, включая вопросы циклизации, анализ художественной структуры, интерпретацию контекста и смыслового содержания. При этом в научной среде наблюдается расхождение во мнениях относительно трактовки отдельных элементов текста. Особое внимание уделяется биографическому контексту произведения.

Как отмечают В. Е. Хализев и С. В. Шешунова, «к автобиографическому подтексту цикла исследователи обращались мало. Отмечалось, правда, что топонимика «Повестей Белкина» соотносима с реальными пушкинскими местами...» (1989, с. 22). В этом же ключе Ю. М. Лотман пишет: «Известие о женитьбе Пушкина было встречено близкими людьми с удивлением и недоверием. При всем разнообразии мнений господствующий мотив был: Пушкин – поэтическая натура, а в браке заключается нечто прозаическое» (1983, с. 161). Что касается «Повестей Белкина», С. Г. Бочаров подчеркивает: «...простой рассказ пушкинской повести “значит” что-то, о чем-то нам говорит, повесть равна своему тексту, но имеет некоторый “второй план” своего истинного значения» (1985, с. 36).

Важный вклад в осмысление философского значения творчества Пушкина внесла М. Ф. Быкова, рассматривая его произведения в контексте российской интеллектуальной традиции. По ее мнению, творчество Пушкина стало фундаментом для формирования национального самосознания и одновременно вошло в мировую литературную традицию, обретая универсальное звучание (Быкова, 2019, с. 223-227). М. А. Широкова (2019, с. 409-416), в свою очередь, исследует «Повести Белкина» через призму глобального и национального, подчеркивая значимость циклической композиции и жанровых трансформаций.

Рецепция повести «Гробовщик» А. С. Пушкина бенинским писателем О. Бхели-Куэнумом представляет собой значимое явление во франкоязычной литературе Африки. Это восприятие позволяет выявить и установить природу сходства, существующего между произведениями двух писателей. Мир пушкинских повестей

оказал глубокое влияние на мировоззрение Олимпа Бхели-Куэнума. Ярким примером этого является проведение аналогий между повестью Пушкина «Гробовщик» и произведением Бхели-Куэнума «Прогулка в лесу».

Повесть «Прогулка в лесу» является первой по времени создания в цикле «Летних повестей», которые были опубликованы в 1968 году. В состав сборника вошли следующие новеллы, представленные в порядке их написания: «Прогулка в лесу» (октябрь-декабрь 1949 года), «Законы леса» (август 1954 года), «Разбойники» (Париж, 1963 год), «Разбойники: фантастическое продолжение» (Париж, 1965 год), «Королева с золотой рукой» (Ренн, зима 1953 года), «Африканское приключение» (Дакар-Конакри, август 1954 года), «Послеполуденное время в Тубере» (Париж, весна 1966 года), «Летняя встреча» (Донвиль-ле-Бен, лето 1959 года).

Африканскими исследователями эти новеллы трактовались по-разному. Особого внимания заслуживает точка зрения Анисетт Куэну, которая рассматривает эти повести через призму идей авангардизма и panaфриканизма. По её мнению, произведения О. Бхели-Куэнума исследуют глубины культурного наследия Чёрной Африки, раскрывая её тайны и своеобразие (Quenum, 2012, p. 105). Бенинский исследователь И. Савадо акцентирует внимание на синтезе реального и ирреального в творчестве Бхели-Куэнума, подчеркивая, что его повести представляют собой уникальное сочетание правдоподобного и фантастического, реального и чудесного, а порой даже сверхъестественного. По его мнению, произведения автора глубоко укоренены в бенинской культурной традиции, которая характеризуется сильным влиянием африканского магического мышления, что особенно ярко проявляется в повести «Прогулка в лесу», где элементы мифологии и фольклора играют ключевую роль в создании художественного мира (Sawadogo, 2014, p. 208).

Интерпретация Пушкина за пределами России во многом определяется культурным контекстом восприятия. В частности, в африканской литературной среде Пушкин воспринимается не только как классик мировой литературы, но и как писатель, чье творчество находит отклик в эстетике африканского магического реализма.

Рассмотрение повести «Прогулка в лесу» в сравнении с «Гробовщиком» А. С. Пушкина позволяет выявить значительное число параллелей как на уровне композиции, так и в сюжетной структуре произведений. Отметим, что сходства обусловлены не только тематическими пересечениями, но и особенностями художественного метода, характерного для обоих авторов.

Во-первых, в обоих текстах прослеживаются автобиографические мотивы. В. Шмид отмечает, что повесть «Гробовщик» построена на парадоксальной основе, осмысленной Пушкиным в 1830 году: «В конце августа Пушкин был вынужден вести переговоры с московскими гробовщиками о похоронах своего дяди, а уже в сентябре, в день завершения работы над “Гробовщиком”, этот мотив обретает художественное выражение» (1996, с. 214). В. Е. Хализев и С. В. Шешунова дополняют этот аспект, обращая внимание на топонимику повести: «...Пушкину хорошо запомнилась церковь Вознесения у Никитских ворот, также упомянутая в “Гробовщике”» (1989, с. 178).

Бхели-Куэну также выстраивает сюжет своего произведения, опираясь на собственные воспоминания. Как он сам отмечает, знакомство с творчеством Пушкина состоялось в раннем возрасте: «J’ai découvert Pouchkine quand j’avais entre 11 et 12 ans» (Bhèly-Quenum, 1999, p. 181). Возрастной период становится значимым и для его повествователя, мальчика, находящегося в том же возрасте: «Quand j’avais onze ans, un de mes oncles un jour m’emmenait avec à sa ferme...» (Bhèly-Quenum, 1999, p. 181). / «Когда мне было одиннадцать лет, один из моих дядей однажды взял меня с собой на свою ферму...». В бенинской культуре отношение к смерти носит своеобразный характер: умершие продолжают сосуществовать с живыми, что находит отражение в его произведении: «...в моей стране семьи традиционного уклада до сих пор хоронят своих умерших в своих домах; уже... тридцать поколений тела моей семьи покоятся в разных комнатах; я провёл своё детство и юность рядом с ними» (Bhèly-Quenum, 1999, p. 199).

Значительным представляется и факт художественного взаимодействия с текстом Пушкина: Бхели-Куэну вспоминал, что после прочтения «Гробовщика» он захотел пересказать его содержание своей бабушке, чтобы доказать, что тоже способен сочинять истории: «Une nuit, pour prouver à ma grand-mère que je savais raconter des histoires, j’ai résumé le contenu de “Le Croque-Mort”» (Bhèly-Quenum, 1999, p. 186). / «Одной ночью, чтобы доказать бабушке, что я умею рассказывать истории, я пересказал содержание “Гробовщика”».

Анализ сюжетной структуры обоих произведений также выявляет определенные соответствия. В качестве примера можно привести финальный эпизод из «Гробовщика»: «Солнце давно уже освещало постель, на которой лежал гробовщик. Наконец открыл он глаза и увидел перед собою работницу, раздувающую самовар... Он молча ожидал, чтоб работница начала с ним разговор и объявила о последствиях ночных приключений» (Пушкин, 1950, с. 127).

С. Г. Бочаров, анализируя художественные особенности этого фрагмента, подчеркивает специфику изображения сна в пушкинской повести: «Главным событием повести является сон гробовщика с приходом мертвецов к нему на новоселье <...> Формальное же отличие, от которого и зависит этот эффект, заключается в том, что сон идет необъявленный, оказывается сном. Таков факт, определяющий структуру “Гробовщика”» (1985, с. 42-44).

Таким образом, рецепция «Гробовщика» в творчестве Бхели-Куэнума носит не только тематический, но и структурный характер. Влияние пушкинской новеллы прослеживается в построении сюжета, развитии центрального мотива и даже в способе погружения в мир сна, что делает «Прогулку в лесу» примером глубокой литературной рефлексии над произведением русского классика.

Наблюдение, сделанное Бочаровым о повести Пушкина, находит соответствие в построении рассказа Бхели-Куэнума. В повести «Прогулка в лесу» ничто не указывает на то, что происходящее является сном. История разворачивается так, как будто это происходит в реальной жизни: «Quand j’avais onze ans, un de mes oncles un jour m’emmenait avec lui à sa ferme» (Bhèly-Quenum, 1968, p. 10). / «Когда мне было одиннадцать лет, один из моих дядей однажды взял меня с собой на свою ферму».

Бхели-Куэну́м в своём рассказе даёт лишь намёки, которые позволяют понять, что это сон, и это становится ясно только в конце произведения: *“Combien de temps dura ce reve? Je ne le saurai jamais”* (Bhèly-Quenum, 1968, p. 20). / «Сколько длился этот сон? Я никогда не узнаю».

Сон мальчика является одним из ключевых событий повести Бхели-Куэну́ма. В повести Пушкина, как замечает Бочаров, «переход из реального действия в сонное не отмечен в рассказе» (1985, с. 42). Повесть Бхели-Куэну́ма построена таким образом, что читатель осознёт сон рассказчика только в финале истории.

Ещё одним аспектом, который позволяет провести параллель между двумя текстами, является мотив встречи живых и мертвых, а также тема траура. Следует привести эти отрывки из двух повестей: «И гробовщик думал уже кликнуть себе на помощь приятеля своего Юрку... Адриану показалось, что по комнатам его ходят люди: “Что за дьявольщина!” – подумал он и спешил войти... тут ноги его подкосились, комната полна была мертвецами» (Пушкин, 1950, с. 126).

Важным аспектом повести О. Бхели-Куэну́ма является процесс пересечения границы между миром живых и миром мертвых, представленный как реальное действие. В некоторых африканских культурах существуют традиционные верования, играющие важную роль в преодолении страха перед смертью. Если в «Гробовщике» Пушкина миры живых и мертвых строго разграничены и их пересечение происходит в форме сновидения, то у Бхели-Куэну́ма эта граница стирается полностью. В эпизоде, где герой сталкивается со скелетом, подчеркивается отсутствие страха перед мертвыми: «В этот момент скелет появился в нескольких шагах от меня... я не испугался, считая его чем-то привычным. Лес не казался мне обителью мертвых, но скорее живых существ... Он протянул мне руку, но я решил быть возвышенным и принял его кости в свою руку. Мы шли вместе, бок о бок... Я больше не боялся. Но чего бояться? Того, что держу в руке руку человеческого скелета? Я больше не боялся, мне было восемь лет, когда моя бабушка и мой прадед по отцовской линии перестали жить. Я помню, как много плакал перед их телами, сидя рядом с их останками» (Bhèly-Quenum, 1968, p. 14-15).

Традиции африканских народов, в частности в Бенине, родине Олимпа Бхели-Куэну́ма, объясняют это отсутствие страха перед умершими. Согласно местным верованиям, покойники продолжают сосуществовать с живыми, будучи похороненными в своих домах, что создает совершенно иную картину загробного мира по сравнению с европейскими представлениями, сформированными в христианской культуре.

Одним из ключевых элементов обоих текстов является фантастика, однако их мифопоэтические стратегии различаются. В «Гробовщике» фантастическое постепенно вырастает из реального: «Читая “Гробовщика”, мы видим, как постепенно это сплошное реально-фантастическое действие повести растёт из её “материала”...» (Бочаров, 1985, с. 48).

В то же время у Бхели-Куэну́ма фантастическое органично вплетено в реальность, что связано с традициями магического мышления африканских народов. Савадо́го подчеркивает, что сверхъестественные элементы пронизывают творчество Бхели-Куэну́ма: «Священное и сверхъестественное, которые окружают законы, скрывают лишь социальные, культурные и природные причины» (Sawadogo, 2014, p. 208).

Фантастические элементы в «Прогулке в лесу» создают ощущение ирреальности и магии: «Мы увидели... змей, кусающих себя за хвост; человеческие черепа; рты, которые смеются; волосы без головы, но несущиеся галопом; гробы; персонажей, исполняющих ритуальный танец...» (Bhèly-Quenum, 1968, p. 15-16).

Данный подход соотносится с теорией И. Го о магической поэтике, согласно которой магическое повествование строится на трёх принципах: магия злых чар, магия нарушения запретов и магия договора с дьяволом. В текстах Бхели-Куэну́ма преобладает магия нарушения, демонстрирующая преодоление традиционных норм и сосуществование различных миров. Различия между поэтикой двух произведений проявляются также в их жанровых стратегиях. Если проза Бхели-Куэну́ма опирается на мифологические структуры, то «Гробовщик» принадлежит к традиции притчево-анекдотического повествования. М. Н. Дарвин и В. И. Тюпа отмечают: «Анекдот и притча... создают уникальный контрапункт, пронизывающий поэтику данного цикла в полном его составе» (2001, с. 195).

В «Гробовщике» особая роль отведена ремеслу главного героя, которое становится важным смысловым контекстом. С. Г. Бочаров пишет: «Нрав Прохорова совершенно соответствовал мрачному его ремеслу» (1985, с. 46).

Этот мотив раскрывается в следующем диалоге: «Каково торгует ваша милость? – спросил Адриан. – Э-хе-хе, – ответил Шульц, – и так и сяк. Пожаловаться не могу. Хотя, конечно, мой товар не то, что ваш: живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не живет. – Сушая правда, – заметил Адриан; – однако ж, если живому не на что купить сапог, то, не прогневайся, ходит он и босой; а нищий мертвец и даром берет себе гроб» (Пушкин, 1950, с. 122).

Ирония, подчеркивающая профессиональную неизбежность, отличает «Гробовщика» от «Прогулки в лесу», где магическое сосуществование живых и мертвых лишено подобного контекста. Таким образом, при всех пересечениях на уровне тематики оба текста демонстрируют принципиально разные художественные стратегии, обусловленные культурными традициями, в которых они были созданы.

В повести «Прогулка в лесу» ключевое смысловое различие по сравнению с «Гробовщиком» А. С. Пушкина заключается в особом восприятии границы между миром живых и миром мертвых. В африканском культурном пространстве эта граница не является абсолютной, а потому взаимодействие с умершими предками не воспринимается как нечто пугающее или мистическое, а скорее как естественное продолжение жизненного цикла. В этом контексте мертвые не исчезают безвозвратно, а продолжают присутствовать в жизни своих потомков, оказывая влияние на их быт, сознание и мировоззрение.

Рассматриваемый мотив отчетливо прослеживается в повествовании Бхели-Куэну́ма, где главный герой, несмотря на встречу со скелетом, не испытывает страха, а напротив, ощущает глубокую внутреннюю связь

с умершими: «Я больше не боялся. Мне было восемь лет, когда моя бабушка и мой прадед по отцовской линии перестали жить. Я помню, как много плакал перед их телами, сидел рядом с их останками, бодрствуя... Именно это чувство я вновь ощутил всё то время, пока скелет держал мою руку» (Bhèly-Quenum, 1968, p. 14-15).

Соответственно, образ умершего, держащего героя за руку, символизирует не столько ужас перед смертью, сколько проявление преемственности поколений. Это восприятие глубоко укоренено в африканских традициях, согласно которым умершие продолжают существовать в природе, в духах предков и тотемах, принимающих различные формы.

Элементы, отраженные в повести Бхели-Куэнума, характерны не только для культуры Бенина, но и для многих других африканских народов. В частности, схожие представления можно обнаружить у сереров – этнической группы земледельцев в Сенегале. У сереров лошадь воспринимается как защитный дух, охраняющий их от несчастий и опасностей. Другая этническая группа, лебу, занимающаяся рыболовством, также придерживается представлений о том, что души умерших продолжают жить в природе. В их традициях важную роль играет культ морских духов, которых необходимо почитать и умиловать. Ежегодно на побережьях Сенегала устраиваются жертвоприношения, во время которых местные жители преподносят в дар духам животных, чтобы установить гармонию между миром живых и миром мертвых (Bhèly-Quenum, 1981).

Обряды имеют важное социальное значение: они не только символизируют уважение к предкам, но и формируют основу коллективной идентичности. Согласно африканским верованиям, духи умерших могут не только покровительствовать живым, но и вмешиваться в их судьбы, наставляя их или, напротив, наказывая за пренебрежение традициями, что отчетливо прослеживается в повести Бхели-Куэнума, где скелет, с которым сталкивается герой, представлен не как источник ужаса, а как фигура, олицетворяющая мудрость предков и их незримое присутствие в жизни потомков.

В отличие от Бхели-Куэнума, Пушкин в «Гробовщике» выстраивает совершенно иную систему смыслов. Гробовщик Адриан Прохоров воспринимает смерть исключительно через профессиональную призму, а потому его встреча с мертвецами в сновидении оказывается шокирующей и катастрофической. Диалог Прохорова с коллегой-предпринимателем лишен сакрального смысла и сводится к обсуждению материальной стороны смерти.

Здесь смерть предстает исключительно как социально-экономический процесс, а не как переход к новому состоянию существования. Пушкинская поэтика построена на анекдотичности, гротеске, иронии, тогда как у Бхели-Куэнума магический реализм служит инструментом для осмысления духовных основ африканского мировоззрения.

Еще одно важное различие между произведениями касается восприятия гробовщика как профессии. В русской литературной традиции этот образ традиционно ассоциируется с мрачными, гнетущими мотивами (например, в готической прозе XIX века), тогда как в культуре Бенина подобное ремесло не несет столь отрицательной окраски. Как отмечает Савадого, в африканских обществах смерть не воспринимается как трагический разрыв, а рассматривается в контексте естественного цикла жизни и трансформации души: «Африка проповедует и возвеличивает мораль и все добродетели, которые вокруг нее вращаются. Именно поэтому отказ от моральных ценностей считается безнравственностью и злом, с которым борется общество. Бхели-Куэнум рассматривает африканскую культуру и местное африканское мышление как основы сил Африки, глубинной Африки, где семейная среда и деревенская община являются лучшими школами» (Sawadogo, 2023, p. 217).

Таким образом, сопоставление «Гробовщика» и «Прогулки в лесу» демонстрирует фундаментальное различие в подходах к осмыслению смерти, традиций и роли мертвых в обществе. В повести Пушкина смерть предстает как нечто чуждое, нарушающее привычный порядок жизни, тогда как у Бхели-Куэнума она органично включена в систему традиционных представлений о мире. Именно поэтому его герой не испытывает ужаса перед скелетом, а напротив, ощущает внутреннюю гармонию, подчеркивающую непрерывность существования духа в рамках африканского космологического восприятия.

Заключение

Проведённое исследование позволило прийти к выводам, представленным ниже.

Во-первых, исследование подтвердило, что знакомство О. Бхели-Куэнума с творчеством А. С. Пушкина, начавшееся с чтения повести «Гробовщик», сыграло важную роль в формировании литературного мировоззрения бенинского писателя. Знакомство, ставшее возможным благодаря инициативе отца Бхели-Куэнума, оказало значительное влияние на его восприятие как русской, так и европейской литературы в целом, а также на его творческий метод. Изучение Пушкина стало отправной точкой для расширения горизонтов писателя и вдохновило его на создание собственных произведений, отражающих как африканские, так и универсальные темы.

Во-вторых, важным результатом исследования стало выявление тематических и стилистических параллелей между произведениями А. С. Пушкина и творчеством О. Бхели-Куэнума. Несмотря на очевидные различия в культурных контекстах и литературных традициях, оба писателя активно использовали фантастические элементы, создавая уникальные литературные миры. В то время как Пушкин в повести «Гробовщик» обращается к теме смерти и ремесла гробовщика через призму социальной критики и иронии, у Бхели-Куэнума тема смерти предстает в другом свете – как естественный элемент африканской культуры, где смерть воспринимается не как трагедия, а как продолжение жизни в иной форме. Противопоставление, выявленное в ходе исследования, подчеркивает культурные различия в восприятии универсальных тем, таких как смерть и бытие.

В-третьих, следует отметить, что научная новизна работы заключается в системном исследовании специфики рецепции творчества Пушкина в африканской литературе, что является значительным вкладом в область межкультурных исследований. Важно, что в процессе исследования была выявлена не только литературная, но и культурная связь между Россией и Африкой, что подчеркивает важность таких межкультурных диалогов в глобализированном мире. Тем самым исследование открывает новые перспективы для дальнейших исследований, например для изучения пушкинских традиций в произведениях других африканских авторов, таких как Ж.-Ж. Нколло, что позволит выявить новые аспекты восприятия русской классики в контексте африканской литературы, а также углубить понимание того, как культура разных народов перерабатывает и адаптирует внешние литературные влияния.

Таким образом, рецепция Пушкина в творчестве О. Бхели-Куэнума является уникальным примером культурного взаимодействия, который вносит вклад в развитие как африканской, так и мировой литературной традиции. Исследование открывает новые горизонты для дальнейшего анализа и диалога между различными литературными и культурными традициями, углубляя наше понимание взаимосвязей между русской и африканской культурой.

Источники | References

1. Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985.
2. Быкова М. Ф. Александр Пушкин: о философском значении его литературного творчества // Российские философские исследования. 2019. Т. 57. № 3.
3. Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: опыт изучения поэтики конвергентного создания. Новосибирск: Наука, 2001.
4. Квантре В. Б., Зумбулидзе И. Г. Текст и нетекстовая реальность по повести А. Пушкина «Гробовщик» // Science Time. 2015. Вып. 2.
5. Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: биография писателя. М., 1983.
6. Хализев В. Е., Шешунова С. В. Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина». М.: Высшая школа, 1989.
7. Широкова М. А. «Национальные» и «глобальные» перспективы в творчестве Александра Сергеевича Пушкина // Журнал исследований истории, культуры и искусства. 2019. Т. 8. № 4.
8. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996.
9. Bhèly-Quenum O. L'écrivain béninois et son pays // Monde diplomatique. 1981. https://www.monde-diplomatique.fr/1981/08/BHELY_QUENUM/36311
10. Bhèly-Quenum O. Pouchkine et le conte africain // Pouchkine et le monde noir. P.: Edition Présence Africaine, 1999.
11. Gnamankou D. Pouchkine et le monde noir. P.: Edition Présence Africaine, 1999.
12. Go I. Poétique et esthétique magiques. Ouagadougou: Harmattan Burkina, 2014.
13. Irène A. A., Raymond Gn. H. Olympe Bhèly-Quenum écrivain rebelle et visionnaire. P.: Harmattan, 2014.
14. Iser W. L'acte de lecture, Théorie de l'effet esthétique / traduit de l'allemand par E. Szyer. Deuxième édition. Bruxelles: P. Mardaga, 1976.
15. Jauss H. R. Pour une esthétique de la réception / trad. C. Maillard. P.: Gallimard, 1978.
16. Sawadogo I. «Le veilleur de nuit»: une nouvelle magique de transgression // RA2LC. 2023. № 6. Vol. 2.
17. Sawadogo I. Les fonctions des récits magiques d'Olympe Bhèly-Quenum. Thèse de doctorat unique. Ouagadougou: Université Joseph Ki-Zerbo, 2014.
18. Quenum A. Récit initiatique et expression mystique chez Olympe Bhèly-Quenum. Le surnaturel dans le récit africain. Thèse de doctorat. Allemagne: Presse universitaire, 2012.

Информация об авторах | Author information

Ибрахима Гай¹

¹ Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Gaye Ibrahima¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk

¹ Ibragaye961@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.02.2025; опубликовано online (published online): 17.03.2025.

Ключевые слова (keywords): О. Бхели-Куэну; цикл «Повести Белкина» А. С. Пушкина; мифопоэтика; притчево-анекдотическая структура; франкофонная литература Африки; рецепция русской литературы; O. Bhèly-Quenum; cycle "The Tales of Belkin" by A. S. Pushkin; mythopoetics; parable-anecdotal structure; Francophone African literature; reception of Russian literature.